

г. Москва

15 ФЕВ 1962

Газета №

КУРСК возвращался к жизни. Его улицы, переулки, площади были еще в развалинах. Всюду покореженное железо, пласты рваного асфальта. Но уже ходили трамваи... Был восстановлен театр.

Здесь задолго до окончания войны и приехала актриса Фредерика Ермолаевна Горская.

Солдаты уходивших на фронт частей, раненые в госпиталях, труженники освобожденных от немецкого рабства сел и деревень, рабочие, поднимающиеся из руин заводы и фабрики, — вот зрители тех, уже далеких лет, заполнявшие зал театра. Здесь, среди героев, участников и свидетелей исторической битвы, трудилась Горская, самоотверженно отдавая работе всю душу, все беспокойное сердце.

Многогранность таланта Горской, ее способность перевоплощаться, умение найти точные краски для каждого образа родились из подлинного знания жизни, умения внимательно слушать, наблюдать, понимать виденное.

Пьесы советского репертуара, классика, зарубежная драматургия — все это близко одаренной актрисе, каждая новая роль для нее — радостное событие в жизни. И вечный спутник Горской — постоянная неудовлетворенность созданным, никогда не проходящее чувство тревоги, что мало изучена жизнь и не хватает наблюдений.

Но страстное стремление к правде жизни никогда не подменяет она простым правдоподобием, слепым подражанием действительности.

— Натуральность еще не есть подлинное искусство! — часто говорит Горская молодым актерам. — Сидеть и разговаривать за столом можно только у себя дома. На сцене все должно играть — от каблучков туфель до ногтя мизинца.

Большая требовательность к себе, к партнерам, ко всему, что делается на сцене, — отличительная черта актрисы. Она не представляет собственной удачи без общего успеха коллектива. И никогда не выйдет на сцену с партнером, не готовым к спектаклю. Она любит молодежь, помогает ей, по-матерински заботится о начинающих актерам. Искренне радуется их успехам, с болью переживает неудачи.

Фредерика Ермолаевна всегда стремится соблюсти единство внешнего и внутреннего облика создаваемых образов. Умение заставить «заговорить» костюм, причиску достигается нелегко. Она никогда не посчитает за труд засесть в костюмерной, перекраивая и переши-

в мне: «Чем меньше в нас навязчивой театральности, когда мы не на сцене, тем больше мы готовы к восприятию жизненных наблюдений, без которых искусство театра мертво!».

Эти слова я вспоминаю каждый раз, когда встречаю Фредерику Ермолаевну. Всегда

работница фабрики Ирина Гринева, в которой раскрывается великая духовная сила, моральное благородство советской женщины, и внешне грубоватая, но с нежной и отзывчивой душой Фиета.

Вспоминается ноябрь 1961

года. Зрительный зал Курского областного драматического театра имени А. С. Пушкина переполнен. Здесь собрались на бенефис, посвященный 55-летию со дня рождения и 30-летию сценической деятельности заслуженной

артистки РСФСР Ф. Е. Горской, поклонники ее таланта. В этот вечер зрители увидели актрису в одной из лучших ее ролей — в роли Бабушки в спектакле «Деревья умирают стоя» А. Касона. Они были взволнованы, они почувствовали горячее биение беспокойного сердца большой актрисы.

Вяч. ЕГОРОВ.

КУРСК.

БЕСПОКОЙНОЕ СЕРДЦЕ

ТВОРЧЕСКИЙ
ПОРТРЕТ

вая платье, добиваясь максимальной точности костюма.

За плечами актрисы — большая трудовая жизнь. Видимо, нет ампулы, в котором она когда-либо не пробовала сил: трагедии, инжюно, молодая героиня, наконец, роли старух. Много испытыв, многому научившись, она сейчас мечтает о том, чтобы воплотить на сцене образ Матери. Матери, подобной горьковской Ниловне, во всей ее громадной духовной силе, обаянии, нежности и любви. И, быть может, это стремление позволяет ей уже сейчас, в тех ролях, что есть в текущем репертуаре, находить удивительно верные и яркие краски для любимого образа.

Вот, например, Клавдия Васильевна — мать троих сыновей («В поисках радости» В. Розова). Она нетороплива в движениях, тих ее голос, плавны жесты, спокоен взгляд.

Но как она меняется, когда понимает, как низко пал ее старший сын, предав самого себя, свое дело, мечту. С какой болью бросает в лицо сыну страшные слова: «...Я тогда подумала: если он не переменится, пусть лучше умрет».

Или в другом спектакле. Лица Охотникова стоит перед Шварцем («Потерянный сын» А. Арбузова). Она рассказывает, как растила сына... Бессонные ночи... Тревоги... Говорит обо всем том, что знает каждая мать... Актриса находит именно тот верный тон, при котором реальная повседневность слов, их нарочитая будничность становятся выразителями геронзма и самоотверженности женщины, отдавшей все для счастья ребенка. Здесь и гордость, и боль за пережитые сыном боли, и радость за его радости...

...Один старый актер говорил

оставаясь сама собой, Горская никогда не повторяется. Стоит вспомнить роли, в которых была занята актриса, чтобы убедиться в этом. Робкая и чистая Любовь Гордеевна и черствая, эгоистичная Алиса Лэнгдон, хищная представительница «блестящего» Петербурга Вера Алексеевна и мужественная Джемма Болла, простая